

говского искусства, а те свободные живописные традиции, которые сложились в начале XIV в. на константинопольской почве, когда неоэллинистическое течение находилось в полном расцвете, постольку искусство Феофана породило на Руси широчайший отклик.

Феофан имел у нас одинаковый успех и как фрескист, и как иконописец, и как миниатюрист. В нем поражали сложность духовной культуры, независимость от цеховой рутины, неисчерпаемая фантазия, зоркость глаза на самые тонкие душевные движения, наконец, огромный живописный темперамент. В зависимости от индивидуальных склонностей различные мастера брали от него то, что было им ближе по духу. Новгородцам Феофан нравился главным образом бунтарскими и реалистическими сторонами своего творчества, москвичам — глубиной своих психологических решений и совершенством своих художественных приемов. Но и для тех, и для других его искусство было всегда притягательным и живым, будило их мысль и шлифовало их мастерство. Столь большая действенность феофановского искусства была возможна лишь потому, что великий мастер чутко откликался на запросы русских людей и сумел проникнуться их чувствами и мыслями. Вот почему имя Феофана Грека фигурирует на страницах истории русского искусства не как имя заезжего иностранца, а как имя одного из активных строителей нашей художественной культуры.
